

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЙ

Psycho-correction and regulation of states

УДК 159.9 © С. В. Бабурин, А. М. Чирков, 2018

Системогенез стрессовой адаптации осужденных

Бабурин Сергей Витальевич,

кандидат психологических наук, доцент, начальник Владимирского
юридического института ФСИН России
Владимир, Россия. e-mail: ono-vipe@mail.ru

Чирков Алексей Модестович,

доктор медицинских наук, профессор кафедры юридической психологии
и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России
Вологда, Россия. e-mail: ono-vipe@mail.ru

Статья посвящена проблеме генеза процесса адаптации осужденных в ракурсе полипарадигмального анализа ее стрессовой природы. Рассмотрение динамики формирования системы «адаптация — реадаптация» осужденных с позиции теории функциональных систем П. К. Анохина позволяет устранить противоречия междисциплинарного характера и приблизиться к построению синкретичной модели поведения не только отдельного субъекта, но и сообщества осужденных. Деятельность целостной функциональной системы (ФС) «адаптация — реадаптация» на разных уровнях организации ее частных подсистем (совладающего поведения и др.) может выполнять положительную функцию и сопровождаться полноценной ресоциализацией осужденных. Проведенный на стыке межсистемного подхода и гуманитарных знаний о духовной сфере человека анализ роли психологических механизмов, участвующих в деятельности ФС «адаптация — реадаптация», и структуры данной подсистемы в виде ресурсов совладающего поведения свидетельствует, что наивысшим образованием психологического уровня личностных ресурсов является духовность — духовный эпигуровень метапсихологических резервных возможностей человека, или духовный слой сознания, по В. П. Зинченко. Духовный ресурс выступает главным регулятором деятельности ФС «адаптации — реадаптации», осуществляя актуализацию ресурсов нижележащих уровней разного типа, что обеспечивает координацию, запуск и управление компонентами всех субуровней структуры адаптационных резервов. Ресоциализация осужденных может быть достигнута посредством психопедагогических подходов, направленных на позитивную трансформацию свойств, черт и интенциональности их субъективного мира, обеспечивающих духовное развитие личности, что представляет главную цель всей пенитенциарной практики.

Ключевые слова: адаптация; реадаптация; ресоциализация; функциональные системы; системогенез; пенитенциарный стресс; совладающее поведение; психические ресурсы; дезадаптация; личностные расстройства; миксты; духовность; исправительные учреждения; осужденные.

Для цитирования: Бабурин С. В., Чирков А. М. Системогенез стрессовой адаптации осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 40–46.

Анализ деятельности институтов исполнения и отбывания наказания, несмотря на проводимую реформу уголовно-исполнительного законодательства, направленную на гуманизацию деятельности уголовно-исполнительной системы (УИС), свидетельствует не только о ее кризисном состоянии, но и об утрате существовавших ранее институтов ресоциализации осужденных, реадаптации и постпенитенциарной адаптации. Сохранение средовой пенитенциарной психотравматизации и других негативных факторов во многих исправительных учреждениях (далее — ИУ) приводит к потере чувства самоуважения у осужденных, нарушению социальной приспособляемости, институционализированной апатии и зависимости, снижая в целом возможность успешной реадаптации и выработки правопослушного поведения на свободе. Сущность проблемы заключается в том, что широко транслируемые в пенитенциарной литературе подходы

к проблеме адаптации осужденных к нахождению в ИУ крайне противоречивы. В работах многих известных авторов (Ю. М. Антонян, О. А. Васильченко, А. Д. Глоточкин, А. И. Мокрецов, О. А. Малышева, А. С. Новоселова, В. Ф. Пирожков, В. М. Поздняков, В. Я. Семке, С. И. Гусев и Г. Я. Снигирева, А. И. Ушатики, Б. Б. Казак и др.) декларируется необходимость, а также возможность достижения позитивной социально-психологической адаптации лиц, отбывающих наказание, а в других исследованиях убедительно обосновывается положение о противоестественности подобного процесса, имеющего явную дезадаптивную направленность, характерную для stagnирующих и деградирующих сред [1; 2; 3; 4].

Вместе с тем именно от решения проблемы адаптации осужденных к условиям неволи и выбора стратегии исправления наказанием зависит успешность их ресоциализации. При этом, несмотря на богатый материал, полу-

ченный при изучении различных сторон процесса адаптации личности к условиям неволи, до сих пор вне познания остаются основополагающие вопросы, связанные как с его природой, динамикой, направленностью, так и с методологией и подходами к исследованию психических состояний осужденных в целом. Следовательно, основополагающая для пенитенциарной психопедагогики и практики проблема адаптации до сих пор остается нерешенной и, являясь главной проблемой УИС, требует углубленного изучения. Выбор адекватного методологического аппарата анализа сложной, многомерной и динамичной системы процесса адаптации в этой связи — наиболее важная задача, требующая незамедлительного решения и принятия действенных мер, направленных как на позитивную социализацию и трансформацию внутреннего мира осужденных, так и на улучшение санитарно-гигиенических условий и сохранение их здоровья [5, с. 95].

Известно, что процесс адаптации подозреваемых, обвиняемых и осужденных к нахождению в ИУ характеризуется высокой степенью специфичности и зависит от успешности преодоления негативного влияния средовых стрессоров. Считается, что процесс приспособления к ИУ представляет форму «вынужденной адаптации», идущей по «аллопластическому» пути, и не отвечает критериям положительной социальной и психологической адаптации. Основным стрессором при этом признается синдром социальной депривации, представляющий противоестественное и неадекватное по психологической сущности психическое состояние человека. Сегодня процесс адаптации принято рассматривать в виде целостной системы «адаптация — реадаптация» [6]. Отечественная пенитенциарная психология традиционно относилась различные патопсихические состояния осужденных, находящихся в условиях неволи, к нарушениям адаптации. Позднее их стали анализировать в виде проявлений особой разновидности психологического стресса, именуемого «пенитенциарным стрессом» (далее — ПС) [7; 8]. Психодинамика адаптационных перестроек у осужденных в условиях ПС имеет «неравновесный» характер, и психические состояния в большинстве случаев отражают дезадаптивную направленность, что связано с предшествующим травматическим опытом и с исходной психопатологией осужденных, попадающих в места лишения свободы [2, с. 73; 3; 4].

При анализе проблемы адаптации существует множество разночтений в зависимости от используемых подходов, терминологии, выбранных критериев ее оценки и т. д. Это часто приводит к упрощенному и одностороннему толкованию сущности этого процесса (явления, состояния, копинга). Наиболее часто ошибка заключается в изучении личностной или социально-психологической адаптации к условиям отбывания наказания в качестве самостоятельных функциональных систем (далее — ФС) вне стрессового контекста их возникновения. Причем собственно адаптация (приспособление), т. е. процесс выработки соответствующего режиму ИУ поведения осужденных, рассматривается чуть ли не в качестве целеполагания деятельности указанных ФС. Принятие подобной установки с позиций аналитического аппарата теории функцио-

нальных систем (далее — ТФС) П. К. Анохина нарушает смысл и телеологические (целевые) базовые принципы бытия человека, нивелируя главную цель УИС — ресоциализацию осужденных. Такой подход становится основным фактором несостоятельности и рассогласования деятельности функционирования ФС «адаптация — реадаптация». Использование принципов ТФС позволяет выявить узловые вопросы функционирования многих сложных ФС и, в частности, преодолеть ряд ошибок и затруднений при анализе цели, эффективности и результата деятельности ФС «адаптация — реадаптация». Синтез ТФС с принципами естественных и гуманитарных наук дает возможность к тому же устранить разночтения междисциплинарного характера и приблизиться к построению синкретичной модели поведения не только субъекта, но и сообщества осужденных на разных уровнях анализа ФС — биологическом, психологическом и др. Так, рассмотрение деятельности ФС «адаптация — реадаптация» осужденных на основе ТФС с позиций реактивной парадигмы стресса объясняет многие закономерности ее развития. Формирование этой ФС может иметь адекватный характер, т. е. выполнять положительную функцию, направленную на полноценную ресоциализацию осужденных, либо негативный характер, т. е. дисфункциональный по своей сущности. Финалом де-стабилизации деятельности ФС выступают деформация личности осужденного в виде психической дезадаптации и, как правило, рецидив преступления. Например, согласно ТФС функционирование представленной выше «бесцелевой» ФС адаптации, проводимой в формате приятия нормативного поведения осужденных в ИУ, неизбежно сопровождается ее стагнацией и распадом [9].

Такой негативный сценарий объясняется просчетом (ошибкой) в выборе конечного результата деятельности, поскольку неверно заданная цель противоречит поставленным УИС задачам, что создает конфликт с опорными механизмами ФС «адаптация — реадаптация» осужденных. Следует также отметить, что и совокупную деятельность отдельных учреждений УИС в целом можно рассматривать в качестве особых самостоятельных ФС. Они также могут иметь негативный характер деятельности и относиться к системам без положительного результата действия, в том случае если под ресоциализацией понимается выбор внешнего правопослушного поведения осужденных, а не глубокая трансформация внутреннего мира и развитие их личностного потенциала. В связи с этим согласно выдвинутому К. В. Судаковым положениям о деятельности Законов Мироздания возникает противоречие между ожидаемым и необходимым развитием психических функций у осужденных и существующей практикой их жизнедеятельности в ИУ. Это приводит к дезинтеграции работы всех звеньев той или иной ФС ИУ, что сопровождается нарастанием противоправного поведения на основе дальнейшей дезадаптации осужденных. Дефекты ресоциализации осужденных в случаях негативной направленности деятельности самой ФС ИУ способствуют, в свою очередь, формированию процессов психической дезадаптации сотрудников ИУ в виде психологического выгорания и других синдромов стрессовой психопатологии [10, с. 6–11;

11, с. 21–42]. Несмотря на упрощенность анализа сложной кибернетической модели деятельности ИУ в виде ФС «адаптация — реадаптация», подобный подход наглядно объясняет следствие неадекватной деятельности системы исправления осужденных, при которой не достигается их полноценной ресоциализации. Негативный результат деятельности указанной ФС (минус-эффект), получаемый на «выходе» системы, является пусковым (плюс-сигнал) в формировании новой ФС. Это означает, как правило, повторное правонарушение и попадание в ИУ. Успешная ресоциализация — положительный результат деятельности ФС «адаптация — реадаптация» (плюс-эффект), получаемый на «выходе» функционирования системы, санкционирует роспуск системы (минус-сигнал), т. е. отсутствие правонарушений.

Следовательно, под ФС «адаптация — реадаптация» следует понимать не приспособление осужденного к пребыванию в ИУ, а целенаправленный процесс преодоления стрессовых состояний на основе внутренней трансформации его личности, результатом которой должна стать успешная ресоциализация. Иначе системогенез данной ФС субъекта включает не только механизмы преодоления пенитенциарного стресса (приспособления к ИУ), но и процессы внутреннего преобразования внутреннего мира, направленные на получение положительного результата деятельности в виде ресоциализации личности. Системогенез изучаемой ФС имеет следующие варианты развития: 1. ПС → успешная (позитивная) адаптация → реадаптация → ресоциализация личности (положительный результат). 2. ПС → неуспешная (парциальная — неполная) адаптация → дефекты реадаптации (стресс) → неполная ресоциализация личности (плюс, минус результат). 3. ПС → негативная адаптация → психическая дезадаптация → негативная реадаптация → отсутствие ресоциализации (минус результат, рецидив преступления). В связи с этим задачей УИС является создание необходимых условий для развития первого варианта генеза развития ФС «адаптация — реадаптация» с положительным результатом ее деятельности, приводящим к духовному преображению личности осужденного. К сожалению, более чем в двух третях случаев пенитенциарная практика встречает второй и третий варианты системогенеза указанной ФС. Их негативные исходы: рецидивность преступлений, усугубление имеющихся психических личностных и стрессовых расстройств, пролиферация пенитенциарно-стрессовых состояний и смешение их с личностной психопатологией в виде психических микстов, призонизация, карцеризация и полная духовная деградация личности [12].

Центральное место в обеспечении полноценного процесса адаптации отводится психологическим механизмам использования психических и других резервов личности. Согласно ресурсной теории совладающего со стрессом поведения человека они имеют многомерную организацию, включающую, наряду с психологическими, психическими и соматическими резервами, ряд обуславливающих факторов (социально-личностных, регулятивных, культурных и т. д.) [13]. Поэтому адекватность результата системогенеза ФС «адаптация — реадаптация» на пути ресоциали-

зации осужденного обоснована динамикой и балансом расходования, истощения или сохранения имеющихся резервов субъекта. Их наличие и адекватное расходование обеспечивают реадаптацию и ресоциализацию, а дефицитность и истощение — дезадаптацию и другие формы психической и социальной патологии. С позиции теории системной иерархии и ТФС ресурсную модель совладающего поведения человека можно представить в виде ресурсной подсистемы анализируемой ФС со своей структурно-функциональной организацией, имеющей вертикальную архитектуру построения с расположением тех или иных резервов на соответствующих уровнях структуры. Функционал иерархии этой подсистемы отвечает за упорядоченность многоступенчатого «комплектования» и использования резервов по степени их важности и доступности. Одним из принципов деятельности такой многоуровневой иерархической структуры является подчинение нижележащих компонентов уровней и субуровней резервов компонентам вышележащих уровней. Находящийся в основании модели ресурсов нижний соматический уровень имеет собственную топографическую вертикаль, идущую вверх от субмолекулярного до межсистемного субуровней. Этот уровень представляет фундамент вышележащего промежуточного — психического — уровня, обладающего своей иерархией субуровней (восприятия, мышления, памяти, эмоций и т. д.). Он «подчиняется» верхнему — психологическому — уровню, образующему свои субуровни, включающие различные личностные образования, свойства и константы, отвечающие критерию психологических ресурсов. Обладая автономной иерархией, уровень психологических резервов обеспечивает множество защитных функций личности — приспособления, умений и стратегий преодоления, т. е. выносливости и жизнеспособности в стрессовых ситуациях.

Это имеет особое значение, поскольку считается, что психологические ресурсы личности, с одной стороны, отражают особенности интер- и интрасубъективных, экзистенциальных и других психологических функций, обуславливающих преодоление стресса, а с другой — составляют основу общего адаптационного потенциала, объединяющего саморегуляцию, контроль поведения, психологические защиты и стратегии совладания. Выделяют метапсихологические ресурсы, к которым относят психодинамические (темпераментальные) ресурсы (свойства) устойчивости (ценностно-смысловые и др.), ресурсы когнитивного субуровня (способности к когнитивному оцениванию, каузальные ориентации, локус контроля и пр.), мотивационные и другие ресурсы [13].

Общий и специфический потенциал адаптации психологического уровня личности обеспечивает ее устойчивость, саморегуляцию, самоэффективность, выносливость, выживаемость и жизнестойкость при неблагоприятных обстоятельствах. К особенностям функционала иерархической подсистемы ресурсов относятся ее гибкость, компенсируемость и способность к накоплению ресурсов. Иными словами, дефицит, например, ресурсов самоидентификации или самопостижения может компенсироваться такими ресурсами, как самопожертвование, мировоззрение,

стремление к справедливости и высшим целям. Основываясь на духовной парадигме стресса и адаптации и ее принципах, можно заключить, что наивысшим (верховным) образованием (фактором или регистром) психологического уровня является духовность — духовный эпипуровень метапсихологических резервных возможностей человека (духовный слой Сознания), представляющий системообразующий фактор развития внутреннего мира человека и определяющий его устойчивость к стрессу. Духовный ресурс, выступая главным регулятором адаптации, осуществляет актуализацию ресурсов разных уровней и разных типов. Под его влиянием в некоторой последовательности происходит мобилизация ряда других психологических ресурсов личности. Наличие и активизация духовного уровня обеспечивают координацию, запуск и управление компонентами всех уровней и субуровней структуры адаптационных резервов. Согласно имеющимся данным, духовный ресурс включается в регуляцию расхода психической энергии уже на первом этапе стресса — при встрече и осознании стрессора. Рассмотрение принципов деятельности иерархической структуры резервов и характера использования соответствующих ресурсов имеет также и диагностическое значение для оценки уровня устойчивости и глубины стрессовой адаптации [12; 14]. Так, манифестация примитивных психологических защит осужденного (отрицания и т. д.) свидетельствует о дефиците или отсутствии необходимых ресурсов психологического уровня, а появление телесной (соматической) симптоматики у осужденного указывает уже на срыв барьера психической адаптации, т. е. истощение или дефицитарность психических и психологических ресурсов личности. Модель «послойного» анализа функций подсистемы ресурсообеспеченности предполагает построение целостной картины стрессовой адаптации на основе полинаучного подхода к анализу субъективного мира осужденного.

Следовательно, с позиции ТФС под положительной (истинной) адаптацией осужденного в условиях исполнения наказания следует понимать только такую деятельность (системогенез) ФС «адаптация — реадаптация», которая отвечает требованиям развития успешной ресоциализации в виде положительной психологической трансформации его личностных свойств (внутреннего мира). Это во многом опосредуется включением механизмов подсистемы ресурсов совладающего поведения, актуализирующих процессы самопознания, саморазвития и саморегуляции личности осужденного. Позитивное изменение свойств, черт и интенциональности субъективного мира осужденного, направленное на духовное развитие его личности, представляет главную цель всей пенитенциарной практики.

Важность духовного фактора в целенаправленной деятельности ФС «адаптация — реадаптация» убедительно выявляется с помощью анализа смысловой составляющей концепта адаптации, присущей различным научным школам и направлениям академической психологии. Так, в социально-психологических работах позитивная социальная адаптация рассматривается в качестве выработки правообразного поведения осужденного в виде функ-

циональной и организационной форм его приспособления к новым условиям существования [1, с. 46–50]. Однако ее наиболее часто возникающим вариантом является ситуативная (парциальная) адаптация в виде внешнего приспособления осужденного к жизнедеятельности в ИУ. Это связано с необходимостью преодоления достаточно серьезных барьеров, связанных с внешними условиями (негативными характеристиками пенитенциарной среды), социально-психологическими (убеждениями, принципами, привычками, стереотипами поведения и т. д., присущими субъекту) и социокультурными (ценностно-нормативными и т. д.) характеристиками субъекта. Их анализ показал, что, наряду с интериоризацией новых понятий, установок, норм, социальных связей и отношений, необходимых для развития позитивной стрессовой адаптации, основная роль в этом процессе принадлежит формированию духовных констант мировоззрения, или духовных структур сознания. Обращение к целостному образу личности, ее структуре, содержанию и направленности ценностно-смысловых ориентаций имеет особую важность, поскольку не только понятия и личностные смыслы, но и интенциональность внутреннего мира субъекта влияют на характер процессов социальной адаптации к ИУ и социализации, взаимоопределяющих и взаимодополняющих друг друга. Внешней же формой проявления адаптационных процессов, позволяющей оценивать успешность их протекания, служит адаптационное поведение, под которым понимается процесс взаимодействия субъекта и социальной среды, опосредующий согласованность взаимных требований и ожиданий и реализующий определенные механизмы социальной адаптации. Изменению условий ИУ и гуманизации отношений к осужденным при этом придается первостепенное значение для их успешной адаптации и ресоциализации.

В психоанализе, в частности по К. Г. Юнгу, минимизация стресса (адаптация) — это преодоление комплексов агрессии и страха на пути постижения смысла своего первообраза (архетипа) путем достижения гармонии между внутренним и внешним миром (а также экстра- и интроверсией) в поле коллективного бессознательного. По А. Адлеру, это снятие комплекса неполноценности и выход из «невроза» (как основы криминальности) на основе постижения, обретения и достижения здорового (адаптивного) пути развития личности осужденного. В постфрейдистской психодинамике положительная адаптация — это развитие (выравнивание) адекватной Я-структуры и расхода (направленности) психической энергии. В терминах гуманистической психологии адаптация (совладание со стрессом) — это самораскрытие личностью осужденного собственных (главных) психических и психологических ресурсов, изначально заложенных в каждом человеке в силах добра, психического здоровья и стремлении к самосовершенствованию. По К. Роджерсу, это самопринятие, развитие своей самости посредством высвобождения и реализации потенциальных возможностей своего истинного Я. По А. Маслоу, это приобретение или нахождение в себе способностей и освоение способов для освоения путей достижения самоактуализации, т. е. реализации высших духовных потребностей [12].

С позиции наиболее близкой пенитенциарной цели экзистенциальной психологии, адаптация — это освобождение от духовного вакуума путем нахождения смысла (и понимания) своего существования (самотрансценденции), приводящего осужденного через страдания к обретению веры и высоким жизненным целям (по В. Франклу). В терминах гештальтпсихологии, это достижение целостности своего внутреннего мира — ядра-фигуры и его полное разотождествление с криминальным «фоном». В понятиях трансперсональной психологии, это расширение спектра сознания (по К. Уилберу), а согласно антропологической психологии, это развитие субъективного мира на основе самоанализа, саморегуляции и саморазвития. С точки зрения философской и постнеклассической психологии (по В. П. Зинченко), это формирование духовного слоя развития Сознания, или Акт становления человека Человеком. В понимании Православия, позитивная психологическая адаптация осужденных к неволе — это начало пути к обретению истинной духовности (благодати, стяжанию даров Святого Духа) в процессе покаяния и молитвы, что невозможно без борьбы с собой — со своими страстями, осознания своей греховности и пороков [12]. Подобным проявлениям и формам адаптации (позитивным психическим изменениям) и поиску (и анализу) ее критериев посвящено огромное число исследований, в которых имели место неоднократные попытки выделения специфических психологических, психолого-физиологических, патопсихологических и психолого-педагогических новообразований, возникающих у осужденных в условиях неволи. Малая успешность нахождения специфических проявлений (маркеров) процессов адаптации к пенитенциарному стрессу объясняется рядом причин, главные из которых: неспецифический характер стрессовых состояний в целом, в первую очередь, нерешенность проблемы идентификации параметров психологического стресса; некаузальная природа психики человека и непредсказуемость его поведения в экстремальных состояниях (особенно осужденных в ИУ).

По логике когнитивно-бихевиоральных подходов, наиболее часто используемых в пенитенциарной психологии, ресоциализация как результат позитивной адаптации осужденных отражает не столько приобретение адекватных форм поведения, сколько следствие коррекции и устранения когнитивных искажений. Происходящая в процессе такого научения замена криминальных ошибок мышления (установок, стереотипов, штампов и т. д.) индивида требует усвоения новых «образцов» мышления и смены потребностей во внутреннем «пространстве субъекта». Если учесть, что сама установка (по Д. Н. Узнадзе) имеет уровень объективизации (т. е. является специфическим достоянием человека как существа, мыслящего, взаимодействующего с внешним миром и строящего основы культурной жизни), то можно не только обнаружить сходство установки с акцептором результата деятельности П. К. Анохина, но и понять ее устойчивый характер. Негативная природа криминальных установок, проявляющаяся в трудности освобождения осужденного от необходимости принимать решение и произвольно контролировать свою деятельность, во многом определяет косность, ригидность и инертность

его мышления и поведения. Под адаптацией следует понимать замену криминальных установок. Известно, что сами установки обнаруживаются только при изменении условий протекания деятельности. Поскольку жизнь осужденных в ИУ — уникальный вариант «прерывания» всей жизнедеятельности, то следствием позитивной психической адаптации с точки зрения бихевиорально-когнитивной психологии может считаться замена смысловых, целевых и операциональных установок осужденных, имеющих отношение к высшим психическим функциям.

Следует отметить, что современная психологическая когнитология, развивающаяся на платформе постнеклассической методологии психологии, связана с диагностикой и интерпретациями состояния культуры и изображением множественной взаимосвязанности психических феноменов с сознанием. Смена методологических парадигм обуславливает переход от психологии как науки об универсальных законах к психологии как науке об исключениях и от количественного к качественному виду анализа. Психика в этом ракурсе трактуется как орган субъективности, постигаемый посредством диалога, коммуникации и конвенции, а интерсубъективность становится критерием ценности. Считается, что познание «психического» (субъективной реальности) при помощи интеллекта (несмотря на множество когнитивных теорий отражения) в большей мере приводит к искажению реальности. Более того, участие психолога как субъекта при этом выступает не столько теоретической реконструкцией изучаемой реальности, сколько условием конструирования получаемых фактов [15]. По мнению В. П. Зинченко, традиционная психология не смогла прийти к признанию, что человек — это акт, и не смогла выявить квазифизические объекты и связи в его сознании, которые опосредуются в вещной, но не предметной (не объектной) деятельности.

В связи с этим большинство понятий академической психологии должны быть пересмотрены, и при исследовании человеческой реальности необходимо учитывать всю полноту и глубину природы человека [16]. Эти вневременные состояния В. П. Зинченко относит к Сознанию. Сознание — явления душевной жизни и реальные результаты этой деятельности, не выступающей психологической или психической. Сознание не ассоциируется с внутренней психологической реальностью, экранированной нашим «Я», а эпифеномен Сознания следует изучать на высших уровнях иерархии духовного мира человека. Его можно контролируемо фиксировать при анализе высших психических функций и состояний — самосушащих проявлений жизни, реконструируемых последовательностей в некотором прослеживаемом действии и на языке метафизики обозначающихся как проявления жизни «Невидимого», «Высшего Начала» [16]. Считается также, что сознание автопоэтично, т. е. непрерывно воспроизводит само себя, поддерживает свою идентичность через свой постоянный поиск и становление. Этот феномен лежит в основе интуиции, озарения и инсайта путем восполнения недостающих звеньев и самодостраивания целостного образа [17]. В отличие от логики, которая аналитична, интуиция всегда холистична (целостное схватывание), инсайт же представ-

ляет эмерджентное явление в виде неожиданного скачка в понимании, внезапного обнаружения смысла, связанного с новым соединением образов. На уровне междисциплинарных исследований рассматриваются проблемы когнитивного процесса созидания смыслов в качестве идеальной предметности трансцендентальной феноменологии, а также вопросы взаимосвязи когниций с воспитанием сомы, умным чувством, созерцанием, истиной, творчеством, добром и трансформацией телесного в духовное и т. д. [18].

Таким образом, психические феномены и другие проявления системогенеза ФС «адаптация — реадаптация» осужденных следует глубже изучать на основе междисциплинарного подхода. Процесс адаптации, составляющий сущность преодоления (трансформации) стресса, отражает гибкость и относительную устойчивость человека как сложной открытой психобиосоциальной системы, регулятором которой является духовность. Адаптация — это не столько способность к приспособлению и выживанию, сколько активное творческое преобразование внешней среды и внутреннего мира, направленное на развитие жизни человека и его духовное преображение. Преодоление действия разнообразных стрессовых факторов при этом обеспечивается полифункциональной организацией — системогенезом ФС адаптации, регулируемой психической сферой, устойчивость которой определяется степенью развития духовного мира человека. Диапазон адаптивных состояний человека чрезвычайно широк, что находит отражение как в научных трактовках этих процессов, так и в системном понимании ответных реакций (состояний), предъявляемых стрессовыми нагрузками. Адаптация осужденных к ИУ в этом аспекте лишена смысла и представляет стагнацию и распад, если ее системная организация (адаптация — реадаптация) не направлена на развитие высших психических функций в виде самопознания, самоосознания, творчества и обретения духовности. Она должна представлять развитие (самопостроение) «вертикальной» духовно ориентированной структуры (уровня) развития сознания (души, «сердца»), опосредующей регуляцию всех функций высшей психической деятельности и поведения осужденных. Бесчисленным попыткам работы с различными структурами психического уровня, имеющего «горизонтальное» построение (в виде преимущественно когнитивной системы резервов-ресурсов), противостоит сама иерархическая природа человека как духовного существа, обладающего иерархической структурой резервов и защит (копингов). Исключение основного копинга совладающего поведения в виде духовности, равно как и главного целеполагания жизни человека — его духовного развития, приводит не только к срыву процесса адаптации осужденных, но и к деформации психической сферы сотрудников ИУ, наделяя всю ФС ИУ патологическими чертами и свойствами. В таких условиях длительно протекающий пенитенциарный стресс при явной духовной дефицитарности (недостаточности резервных возможностей) осужденных сопровождается истощением глубинных адаптационных ресурсов и, как следствие, нарушением механизмов и процессов психической адаптации на психическом и соматическом уровнях. Срыв приспособительных (адаптационных) механизмов осужденных означает «пере-

ход в фазу патологической адаптации» или формирование качественно новых состояний — процессов психической дезадаптации, которые детерминируют запуск и развитие психической и психосоматической патологии.

Предлагаемый подход к построению синкретичных моделей деятельности ФС «адаптация — реадаптация» с использованием духовной парадигмы сознания и стресса представляется перспективным в развитии ряда научных направлений педагогики и психологии, исследующих особенности поведения сложно организованных систем в условиях популяционного и других видов стресса. В первую очередь это касается психопедагогической проблемы устойчивости и выживаемости человека в экстремальных условиях, прогнозирования и проблем адаптации в изменяющемся мире.

Список литературы

1. Бабурин С. В. Проблемы стресса и адаптации в пенитенциарной психологии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1(25). С. 46–50.
2. Бабурин С. В. Природа и сущность патологической адаптации осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 2(34). С. 67–77.
3. Пономарев С. Б., Половникова А. А., Тоцкий С. И., Чубаров А. Л. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте. Екатеринбург, 2008. 148 с.
4. Диденко А. В. Расстройства личности у осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы : учеб. пособие / под общ. ред. В. Я. Семке. Томск, 2010. 240 с.
5. Корель Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005. 424 с.
6. Бабурин С. В. Психотерапия деструктивных последствий пенитенциарного стресса // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2(30). С. 56–67.
7. Бабурин С. В., Чирков А. М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии : учеб. пособие. Вологда, 2014. 576 с.
8. Ермасов Е. В. Психологический стресс в условиях изоляции // Развитие личности. 2009. № 2. С. 84–99.
9. Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональных систем. М., 1980. 216 с.
10. Судаков К. В. Голографическое единство мироздания // Вестник новых медицинских технологий. 2001. Т. 9, № 1. С. 6–11.
11. Судаков К. В. Дезинтеграция функциональных систем организма при эмоциональном стрессе: Стратегии реабилитации // Руководство по реабилитации лиц, подвергшихся стрессорным нагрузкам / под ред. В. И. Покровского. М., 2004. С. 21–41.
12. Бабурин С. В. Психология пенитенциарного стресса и адаптации : учеб. пособие. Вологда, 2016. 315 с.
13. Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. М., 2011. 512 с.
14. Белоус Е. И. Психология духовности : монография. Владивосток, 2014. 474 с.
15. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М., 2007. 528 с.
16. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. 592 с.
17. Князева Е. Н. Творческое мышление: натуралистическое видение // Творчество: эпистемологический анализ / отв. ред. Е. Н. Князева. М., 2011. С. 6–26.
18. Келле В. Ж. Интеллектуальное и духовное начала в культуре. М., 2011. 218 с.

Поступила 06.07.2017

Systemogenesis of Convicts' Adaptation to Stress

Baburin Sergey V.,

Candidate of Sciences (Psychology), Associate-Professor, Head of the Vladimir
Law Institute of the Russian Federal Penitentiary Service
Vladimir, Russia. e-mail: ono-vipe@mail.ru

Chirkov Alexei M.,

Doctor of Sciences (Medicine), Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy
of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penitentiary Service
Vologda, Russia. e-mail: ono-vipe@mail.ru

Abstract. Consideration of the dynamics of the formation of system «adaptation-readaptation» of convicts from the viewpoint of the theory of functional systems developed by P.K. Anokhin makes it possible to eliminate contradictions of an interdisciplinary nature and approach the construction of a syncretic model of behaviour not only of an individual subject, but also of a community of convicts. The work of the integral functional system (FS) of adaptation-readaptation at different levels of organization of its private subsystems (coping behaviour and others) can perform a positive function and be accompanied by the complete re-socialization of convicts. Basing on the intersystem approach and humanitarian knowledge of the spiritual sphere of human the authors attempted to conduct an interdisciplinary study of the role of psychological mechanisms involved in the activity of the functional system «adaptation-readaptation» and the structure of this subsystem in the form of resources of coping behaviour. The study shows that the highest form of personal resources at the psychological level is spirituality — the spiritual epilevel of metapsychological human reserves or the spiritual layer of consciousness according to Zinchenko V. P. The spiritual resource acts as the main regulator of the functional system «adaptation-readaptation», realizing the resources of the underlying levels of different types, which ensures the coordination, start-up and management of the components of all the sub-structures of the adaptation reserves. Resocialization of convicts can be achieved through psycho-pedagogical approaches aimed at the positive transformation of properties, traits and intentionality of their subjective world, which ensure personal spiritual development – the main goal of the penitentiary practice.

Keywords: adaptation; readaptation; resocialization; functional systems; systemogenesis; penitentiary stress; coping behaviour; mental resources; disadaptation; personality disorders; mixtures; spirituality; correctional institutions; convicts.

Citation: Baburin S. V., Chirkov A. M. Systemogenesis of Convicts' Adaptation to Stress. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(72). 2018. P. 40–46.

References

1. Baburin S. V. Problems of stress and adaptation in penitentiary psychology. *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*. No. 1(25). 2014. P. 46–50. (In Russ.)
2. Baburin S. V. The nature and essence of pathological adaptation of convicts. *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*. No. 2(34). 2016. P. 67–77. (In Russ.)
3. Ponomarev S. B., Polovnikova A. A., Totsky S. I., Chubarov A. L. The syndrome of prison social deprivation at the young age. Yekaterinburg, 2008. 148 p. (In Russ.)
4. Didenko A. V. Personality disorders of convicts serving sentences in prisons. Tomsk, 2010. 240 p. (In Russ.)
5. Korel L. V. Sociology of adaptations: Questions of theory, methodology and methodic. Novosibirsk, 2005. 424 p. (In Russ.)
6. Baburin S. V. Psychotherapy of destructive consequences of penitentiary stress. *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*. No. 2(30). 2015. P. 56–67. (In Russ.)
7. Baburin S. V., Chirkov A. M. Psychological and pedagogical foundations of penitentiary stressology. Vologda, 2014. 576 p. (In Russ.)
8. Ermasov E. V. Psychological stress in isolation. *Personal development*. No. 2. 2009. P. 84–99. (In Russ.)
9. Anokhin P. K. Nodal questions of the theory of functional systems. Moscow, 1980. 216 p. (In Russ.)
10. Sudakov K. V. Holographic unity of the universe. *Bulletin of new medical technologies*. 2001. Vol. 9. No. 1. P. 6–11. (In Russ.)
11. Sudakov K. V. Disintegration of the functional systems of the body under emotional stress: Rehabilitation strategies. Moscow, 2004. P. 21–41. (In Russ.)
12. Baburin S. V. Psychology of penitentiary stress and adaptation. Vologda, 2016. 315 p. (In Russ.)
13. Zhuravlev A. L., Sergienko E. A. Stress, burnout, coping in the modern context. Moscow, 2011. 512 p. (In Russ.)
14. Belous E. I. Psychology of spirituality. Monograph. Vladivostok, 2014. 474 p. (In Russ.)
15. Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. Theory and Methodology of Psychology: Post-Classical Perspective. Yurevich. Moscow, 2007. 528 p. (In Russ.)
16. Zinchenko V. P. Consciousness and creative act. Moscow, 2010. 592 p. (In Russ.)
17. Knyazeva E. N. Creative thinking: naturalistic vision. Moscow, 2011. P. 6–26. (In Russ.)
18. Kelle V. Zh. Intellectual and spiritual principles in culture. Moscow, 2011. 218 p.